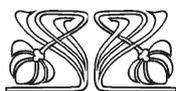
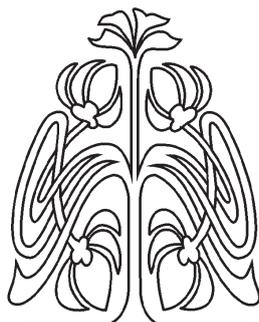
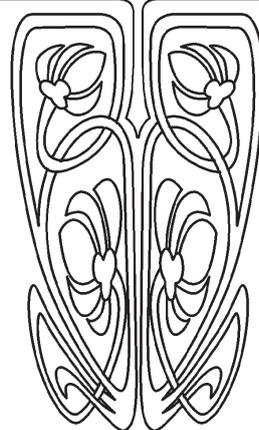




ЭКОНОМИКА



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 4–17
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 4–17

Обзорная статья
УДК 330.8
<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-4-17>

Столетие макроэкономического шедевра Дж. М. Кейнса

Г. А. Черемисинов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики, cheremisnov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5986-2866>

Аннотация. Введение. Обосновывается точка зрения, признающая лучшим произведением Дж. М. Кейнса книгу «Экономические последствия мира», посвященную итогам Версальской мирной конференции и изданную в декабре 1919 г. Уникальность этой публикации обусловлена участием автора в переговорном процессе, выражением личной позиции протеста против содержания Версальского мирного договора и разрушительных последствий его осуществления. **Научный обзор.** Анализируется опыт макроэкономического исследования преобразований экономики Европы на рубеже XIX–XX вв. Логика развертывания авторской концепции соответствовала историческому ходу событий: экономика Европы до и после войны, накануне мирного договора и перспективы ее послевоенного восстановления. Хронологический макроэкономический подход был релевантным и продуктивным. Научное творчество Дж. М. Кейнса, представленное в «Экономических последствиях мира», было оригинальным сочетанием приверженности традициям английской экономической мысли и новаторского осмысления неординарных макроэкономических тенденций и чрезвычайных структурных трансформаций экономики. **Заключение.** Объясняется основополагающее значение в научном творчестве Дж. М. Кейнса книги «Экономические последствия мира», в процессе написания которой были разработаны смелые, новаторские идеи, послужившие теоретико-методологическим ключом к постановке и разрешению проблем позднее изданной, самой известной книги «Общая теория занятости, процента и денег». «Экономические последствия мира» – творение, заслуживающее статуса классики мировой экономической мысли, шедевр макроэкономической теории, не утративший своей научной ценности и актуальности за столетие, истекшее со времени его создания и публикации.

Ключевые слова: Дж. М. Кейнс, Версальский мирный договор, макроэкономика, трансформация экономики Европы

Для цитирования: Черемисинов Г. А. Столетие макроэкономического шедевра Дж. М. Кейнса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 4–17. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-4-17>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)



Review

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-4-17>

A century of J. M. Keynes' macroeconomic masterpiece

Georgy A. Cheremisinov, cheremisinov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5986-2866>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. Introduction. In this article, the point of view that recognizes J. M. Keynes' book "The Economic Consequences of Peace" as his best work, dedicated to the results of the Versailles Peace Conference and published in December 1919, is substantiated. The uniqueness of this publication is due to the author's participation in the negotiation process, expressing a personal position of protest against the content of the Versailles Peace Treaty and the destructive consequences of its implementation. **Scientific review.** The experience of macroeconomic research of the European economy transformations at the turn of the XIX–XX centuries is analyzed. The logic of the author's concept development corresponded to the historical course of events: the economy of Europe before and after the war, on the eve of a peace treaty and the prospects for its post-war recovery. The chronological macroeconomic approach was relevant and productive. The scientific creativity of J. M. Keynes, presented in "The Economic Consequences of Peace", was an original combination of a commitment to the tradition of English economic thought and an innovative understanding of extraordinary macroeconomic trends and extraordinary structural transformations of the economy. **Conclusion.** It explains the fundamental importance of the book "The Economic Consequences of Peace" in the scientific work of J. M. Keynes. In the process of its writing, bold, innovative ideas developed that served as a theoretical and methodological key to the formulation and solution of problems in the most famous book "The General Theory of Employment, Interest and Money", published later. "The Economic Consequences of Peace" is a creation that deserves the status of a world economic thought classics, a masterpiece of macroeconomic theory that has not lost its scientific value and relevance in the century since its creation and publication.

Keywords: J. M. Keynes, Treaty of Versailles, macroeconomics, transformation of the European economy

For citation: Cheremisinov G. A. A century of J. M. Keynes' macroeconomic masterpiece. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 4–17 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-4-17>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Вклад Джона Мейнарда Кейнса в развитие мировой экономической мысли чаще всего оценивают изданным в феврале 1936 г. фундаментальным трудом «Общая теория занятости, процента и денег». Однако есть иная достойная внимания точка зрения научного сообщества, признающая лучшим творением английского ученого книгу «Экономические последствия мира», посвященную итогам Версальской мирной конференции и изданную в декабре 1919 г.

Дж. М. Кейнс заседал в Высшем экономическом совете Антанты, был официальным представителем британского казначейства на мирной конференции в Париже до 7 июня 1919 г. и сложил с себя полномочия, утратив надежду на благоприятный исход переговоров по завершению Первой мировой войны [1, с. XIV]. Он крайне негативно отнесся к политике Версальской мирной конференции в отношении экономических проблем Европы и выразил свой публичный протест против заключенного мирного договора, написав книгу «Экономические последствия мира» («The Economic Consequences of the Peace», в русском переводе получившую название «Экономические последствия Версальского мирного договора»).

Биографы Дж. М. Кейнса подчеркивали судьбоносное значение публикации «Экономических последствий мира». Й. Шумпетер отмечал,

что внезапный уход в отставку характеризовал Дж. М. Кейнса как личность и государственного служащего. Многие сомневались в Версальском мирном договоре, но никто не отважился высказать свои претензии вслух. «Сделанный из другого теста» Дж. М. Кейнс оставил свой пост и объяснил принятое им решение; поступок огромного мужества принес ему мировую славу [2, с. 362–363]. Р. Скидельски писал, что «Экономические последствия мира» – ключевой документ биографии Дж. М. Кейнса, который утвердил право малоизвестного экономиста на внимание и в 1919 г. рассказал всем о достоинствах автора. Задуманная в минуты страстного отчаяния, книга предопределила путь своего творца [3, с. 447].

Едва ли кто предвидел, что «Экономические последствия мира» окажутся мировым бестселлером, одной из влиятельнейших книг истекшего столетия. Книга Дж. М. Кейнса к осени 1921 г. была уже переведена на голландский, датский, испанский, итальянский, китайский, румынский, русский, фламандский, шведский, японский языки, и ее распроданный тираж превысил 100 тыс. экземпляров [3, с. 427, 439]. Для описания приема читающей публикой книги «Экономические последствия мира» слово «успех» звучало крайне бледно и невыразительно [2, с. 363].

В биографических исследованиях многочисленных достоинств названного произведения



преобладал обзор сложившихся «вокруг» него обстоятельств, важных для восприятия и понимания написанного. По мнению Й. Шумпетера, книга «Экономические последствия мира» была настоящим шедевром, наполненная мудрыми и ценными практическими советами; безжалостная, но не холодно логичная; искренне человеческая, но не сентиментальная; без сожалений, но и без безысходности представлявшая все факты; сочетанием глубоко продуманных советов с тщательно осмысленным анализом. Книга была произведением искусства с идеальным сочетанием формы и содержания. Автор обо всем говорил по делу, без лишних слов. Ни в одной из других книг Дж. М. Кейнса слог не был так изящен; его простоту подчеркивала безупречная выверенность изложения. В описании действующих лиц конференции и трагического провала преследуемых ими целей при заключении мирного договора Дж. М. Кейнс поднимался до высот, достигнутых лишь немногими авторами [2, с. 364–365].

С оценкой Й. Шумпетера согласился Р. Скидельски, считая, что книга «Экономические последствия мира» уникальна; ни в каких других своих произведениях Дж. М. Кейнс не смог столь успешно воспользоваться своими дарованиями при изложении избранной темы. Главной проблемой было начатое войной и завершенное Версальским договором разрушение экономического механизма жизнедеятельности европейских народов. Публикация вышла за пределы специального трактата, посвященного рассмотрению проблем возмещения ущерба от войны и восстановления экономики европейских стран. Живо, с жестокой точностью были описаны жаркие и неудачные парижские баталии Ж. Клемансо, Д. Ллойд Джорджа и В. Вильсона. Дж. М. Кейнс избрал не характерный для него страстный, сердитый и презрительный речевой стиль; никогда потом разоблачения лжи и неискренности, моральное негодование не звучали из его уст так громко и ясно. В один узел увязывались раздумья о возникшей опасности, ощущение приближавшегося крушения цивилизации, видение толпы, рвущейся к захвату распадавшегося наследия, понимание легкомыслия и тщетности устремлений государственных деятелей. Дж. М. Кейнс показал беспрецедентное в литературе XX в. выражение личной позиции [3, с. 427–429].

Из множества изданных в 1920-е гг. работ о Версальском договоре книга «Экономические последствия мира» была единственной захватившей души, не исчезнувшей бесследно. Она убедительно, ярко и гневно высказала то, чем были озабочены «просвещенные» умы общества, оказала на него серьезное влияние. «Экономи-

ческие последствия мира» были «восстанием экономической теории против политики», призывом к обществу сменить жажду военных побед уважительным отношением к решению экономических задач. Дж. М. Кейнс говорил «голосом ангела, наделенного знаниями эксперта». Умелое соединение науки и слова стало основой всех его достижений [3, с. 445, 447].

Научный обзор

Экскурс в прошлое экономической мысли полезен и познавателен в историко-экономическом и теоретико-экономическом аспектах. Научные суждения, высказанные Дж. М. Кейнсом по поводу трансформации экономики Европы на полувекovém историческом интервале 1870–1920 гг., не утратили теоретико-методологической актуальности и поныне. Оценка книги «Экономические последствия мира» как шедевра макроэкономического исследования подтверждается ее научным обзором и интерпретацией основных положений.

При критическом разборе рассматриваемой публикации следует учитывать некоторые нюансы. Прежде всего, Дж. М. Кейнс писал не бесстрастный академический трактат, а послание к широким слоям неравнодушной общественности. Поэтому даже в главах, посвященных макроэкономическому анализу, научный стиль изложения материала исследования перемежался с публицистическими фрагментами, репликами и оценочными суждениями. Желание автора заявить протест против политики и итогов Версальской конференции предопределило полемический настрой в отстаивании собственной позиции. Ведение полемики не обязательно предполагает выстраивание строгой, связанной логики доказательств; оно допускает выдвижение и обоснование отдельных положений, которые могут быть несовместимыми и противоречить друг другу. Таких логических противоречий предостаточно разбросано по разным частям «Экономических последствий мира». Противоречия в концептуальных построениях возникали и потому, что Дж. М. Кейнс был истинным англичанином и живым воплощением известного афоризма лорда Палмерстона: «У Англии нет постоянных союзников и постоянных врагов, есть только постоянные интересы». Автор книги легко занимал нужные позиции: личности; социальной группы – несвязанной с классами и партиями «английской интеллигенции высшего уровня» [2, с. 374]; англичанина – представителя нации; европейца. В нравственной иерархии Дж. М. Кейнса личные ценности и интересы были важнее общенациональных, а английские



интересы и ценности были важнее европейских. Но когда личные интересы автора-англичанина совпадали с другими интересами, он всячески подчеркивал их общность и единство и пользовался этим в публицистических высказываниях и научной аргументации.

Дж. М. Кейнс объяснил замысел и название книги тем, что если Версальский мирный договор вступит в силу, то он не восстановит, а приблизит к разрушению хрупкую и сложную, уже расшатанную и надломленную войной организацию, посредством которой европейские народы осуществляли хозяйственную деятельность и поддерживали свое существование [1, с. 1].

Непреодолимое значение «Экономическим последствиям мира» придает изложенный в них опыт макроэкономического исследования преобразований экономики Европы на основе фактологического и оценочно-статистического материала. Логика развертывания авторской концепции соответствовала историческому ходу событий: экономика Европы до и после войны, накануне мирного договора и перспективы ее послевоенного восстановления. Хронологический макроэкономический подход, как правило, продуктивен; в частности, он оказался релевантным в исследовании истории народного хозяйства России, в которой выделялись периоды устойчивого развития, чрезвычайных системных трансформаций и восстановления, объяснимые в рамках теории больших циклов Н. Д. Кондратьева [4].

Научное творчество Дж. М. Кейнса, представленное в «Экономических последствиях мира», было оригинальным сочетанием, с одной стороны, приверженности традициям английской экономической мысли (мальтузианству, пуританской этике хозяйственного поведения), с другой стороны, новаторского осмысления неординарных макроэкономических тенденций и чрезвычайных структурных трансформаций экономики.

Формирование после 1870 г. новой модели международного разделения труда и закономерности преобразования европейской экономики из преимущественно аграрной в индустриальную рассматривались в разделе, посвященном довоенной эпохе. На концептуальное видение Дж. М. Кейнса повлияло состояние разрушенной войной экономики Европы, утратившей почти все свои достижения последних десятилетий. Ученый-экономист имел основание считать, что полувековой период успешного развития и быстрого экономического роста был исключением из общего правила вековой макроэкономической динамики и едва ли повторится в будущем.

Описание трансформации экономики аграрного общества в экономику индустриального общества было построено на их противопоставлении. Преобладание сельского хозяйства в отраслевой структуре национальной экономики «наполняло глубокой меланхолией» теории основателей английской политической экономии с конца XVIII в. Т. Мальтус указал, что за обманчивыми иллюзиями относительно будущего скрывается Злой Дух, и в первой половине XIX в. серьезные экономисты ясно видели его. Но в следующие полстолетия Злого Духа «посадили на цепь и скрыли от взоров общества». Потом его снова выпустили на свободу [1, с. 4–5].

Существующая в аграрной экономике убывающая отдача труда и вложений капитала нашла свое отражение в теории ренты. Распространение этой теоретической посылки на динамику населения, рост численности которого ограничен возможностями производства продовольствия и прочих потребительских благ, оправдывало сильную социальную дифференциацию людей. В модели экономики аграрного общества динамика сбережений и накопления капитала почти не зависела от производительности труда и эффективности инвестиций, от роста производства предметов потребления и благосостояния. Увеличение доходов и достатка наблюдалось лишь у верхушки социальной пирамиды. Удел остальных тружеников – физическое выживание без перспектив повышения благосостояния. Существовала тесная связь между размерами производства средств существования и численностью населения.

Дж. М. Кейнс объяснял условия и специфику трансформации европейской экономики, подчеркивая уникальную случайность происшедшего. До 1870 г. территориально-отраслевая специализация различных частей Европы позволяла удовлетворять важнейшие потребности населения, численность которого соответствовала порядку хозяйственной жизни. В последней трети XIX в. началось формирование модели экономики индустриального общества, и постепенное развитие создало неустойчивые и необычные условия экономической жизни Европы. Потребность населения в пище уже раньше умерялась доставкой продуктов из Америки; теперь, впервые в истории, произошел полный переворот. Чем многочисленнее становилось население, тем легче оно обеспечивалось продовольствием. В земледелии и промышленности возраставшие размеры производства стали давать больший доход. Рост населения Европы увеличивал поток эмигрантов, разрабатывавших земли в новых странах. Все большее количество рабочих Европы создава-



ло продукты промышленности и капиталы для эмигрировавшего населения, строило железные дороги и корабли для перевозки в Европу пищевых продуктов и сырья из дальних источников. О таком «экономическом Эльдorado» прежние экономисты могли только мечтать [1, с. 4].

Краткая характеристика новой модели индустриальной экономики Европы детализировалась исследованием неустойчивости ее важнейших элементов («крупнейших факторов»): населения, организации, психологии общества, отношения Старого Света (Европы) к Новому Свету (Америке). Правильный выбор уровня международного разделения труда и степени агрегированности изучаемых факторов предопределил высокое качество и результативность макроэкономического анализа развития хозяйства Европы.

Общеввропейские закономерности и тенденции эволюции Дж. М. Кейнс чаще всего показывал на примере системообразующего ядра и главного двигателя европейской экономики – Германии; в частности, воздействие важнейшего хозяйственного фактора – населения, который определял наличие трудовых ресурсов и размеры необходимых для него средств существования. Сильный рост населения поддерживался преобразованием экономической структуры страны, развитием индустриализации, урбанизации, внешней торговли, транспорта. Земледельческая и самодовлеющая Германия превратилась в огромную и сложную индустриальную машину, «непрерывный и полный ход» которой, при равновесии многих внешних и внутренних факторов, обеспечивал занятость населения у себя дома и средства для покупки товаров за границей [1, с. 6].

Аналитический обзор нестабильности фактора организации сопровождался его декомпозицией. Предпосылка о зависимости деликатной организации, обеспечивавшей существование народов, от факторов европейской экономической системы позволила целостно изучить различные макроэкономические аспекты. Дж. М. Кейнс объяснял формирование международного разделения труда с соответствующей инфраструктурой, включая в понятие организации: денежное обращение, внутреннюю и внешнюю торговлю, миграцию населения и капитала, транспортную систему, производство и использование энергоресурсов, промышленность, урбанизацию, защиту личности и имущества.

Преграды политических границ и таможенных пошлин были сведены к минимуму. Приведенные в устойчивое отношение к золоту различные денежные системы облегчали перелив капиталов и течение торговли. Факторы обе-

спеченности личности и имущества, порядка и единообразия на территории Европы подготовили организацию огромного механизма транспорта, распределения угля и внешней торговли, который содействовал подъему промышленности и росту густонаселенных городских центров. Уголь стал ключом индустриального развития Центральной Европы и Англии. Быстрый рост Германии доставлял ее соседям возможность сбыта продуктов, взамен которых немецкие торговцы удовлетворяли их потребности по низким ценам. Германия была первым покупателем у России, Норвегии, Голландии, Бельгии, Швейцарии, Италии и Австро-Венгрии; вторым покупателем в Великобритании, Швеции и Дании и третьим покупателем во Франции. Она была первым поставщиком товаров для России, Норвегии, Швеции, Дании, Голландии, Швейцарии, Италии, Австро-Венгрии, Румынии и Болгарии. Она была вторым поставщиком для Великобритании, Бельгии и Франции. Германия предоставляла другим странам большое количество капиталов и организацию, содействовала их развитию. Вся Европа к востоку от Рейна была втянута в промышленную орбиту Германии, и ее экономическая жизнь была приспособлена к такому положению [1, с. 7–8].

Неожиданным был обстоятельный разбор фактора психологии общества, который мог быть навеян осмыслением причин революционных потрясений в России и Австро-Венгрии, связанных с катастрофической деградацией экономики во время войны. Кроме того, Дж. М. Кейнс крайне негативно воспринял приход к власти в России большевиков с эгалитарной идеологией марксизма и стремился противостоят повторению подобной революционной практики в других европейских странах. Русская революция в глазах англичанина выглядела как разрушение цивилизации и уничтожение традиционных ценностей капиталистического общества времен викторианской эпохи, которым он был искренне привержен. Однако проблемы социальной психологии рассматривались на основе понятий рабочего класса и класса капиталистов, типичных для марксистской школы экономической науки. Этот казус объясняется формированием социально-экономической доктрины К. Маркса в рамках научной парадигмы и теории трудовой стоимости Д. Рикардо. В рикарданских традициях рассуждал и Дж. М. Кейнс, вовлекая в научный дискурс оправдание и объяснение накопления капитала, апологетику социально-экономического неравенства, пропитанный пуританской этикой протестантизма английский утилитаризм.



Социальная и экономическая организация Европы обеспечивала высшую степень накопления капиталов. Постепенное улучшение благосостояния народных масс не изменяло общественного порядка, при котором один общественный класс присваивал значительную часть возраставшего дохода, не потребляя его целиком. Богачи предпочитали власть, доставляемую применением капиталов в экономике, наслаждениям потребления. Именно неравенство распределения богатств обеспечивало возможность бесконечного их накопления и постоянных усовершенствований, оправдывая капиталистическую систему, основанную на мистификации и обмане. Рабочий класс подчинялся ей вследствие невежества и бессилия, принуждения, внушения и приманок, воздействия обычая, власти и прочно установленного социального порядка, получая ничтожную долю пирога, который он создавал своим трудом совместно с капиталистами и силами природы. Класс капиталистов считал своею собственностью лучшую часть этого пирога при условии потребления лишь незначительной его доли. Долг «сбережения» стал главной добродетелью нашего времени, а рост пирога – предметом его религии. Принцип сохранения пирога воспитывал инстинкты пуританизма, который в прежнее время вовсе отказывался от мира и одинаково презирал создание материальных благ и наслаждение ими [1, с. 8–9].

До войны принцип накопления и прогресса зависел от неустойчивой психологии общества, которую уже нельзя было воссоздать. Война показала всем возможность немедленного потребления и многим бесполезность воздержания. Так был открыт обман; рабочий класс уже не согласится больше жертвовать собою для других, а класс капиталистов, не уверенный в своем будущем, захочет полнее воспользоваться свободой наслаждения, пока она еще принадлежит ему, и этим приблизит час конфискации своих имуществ [1, с. 9].

Долгосрочный устойчивый рост довоенной европейской экономики поддерживался укреплением ее хозяйственных связей с Америкой, формированием новой модели и структуры международного разделения труда. Значительная часть капитала, накопившегося в Европе, инвестировалась в развитие новых источников пищевых продуктов и сырья, средств транспорта, позволяя эксплуатировать естественные богатства Нового Света. Европа получала ежегодную дань в виде дешевых и обильных продуктов. Большая часть денежной прибыли, приносимой заграничным помещением, реинвестировалась в предприятия и увеличивала общий капитал.

Однако уже до войны появилась угроза равновесию, установившемуся между Европой и ресурсами Америки. Повышение цен на хлеб с конца XIX в. означало действие закона убывающей доходности. Европе пришлось предлагать большее количество товаров, чтобы получить прежнее количество пищевых продуктов. Претензии Европы на пользование ресурсами Нового Света стали ненадежны [1, с. 10–11].

Таким образом, экономическое состояние Европы в 1914 г. характеризовалось неустойчивостью существования чрезмерного населения, сложной и искусственной организацией, неуравновешенностью психологии рабочего класса и класса капиталистов и необеспеченностью притязаний Европы на запасы пищевых продуктов Америки. Война расшатала эту систему и создала угрозу жизнедеятельности значительной части Европы; ее население превысило количество имевшихся средств потребления, организация экономики была расстроена, система транспорта разрушена, а запасы пищи истощены [1, с. 11].

В условиях чрезвычайной деградации европейской экономики Версальская мирная конференция ввела в международную практику правовую норму репарации – форму компенсации за ущерб, нанесенный одним субъектом международного права другому субъекту в результате военного нападения, определявшую размеры и условия возмещения ущерба страной-агрессором в пользу государства-победителя в соответствии с причиненным материальным убытком. Версальский мирный договор зафиксировал ответственность Германии и ее союзников за ущерб, понесенный жителями стран Антанты в ходе войны.

Прецедент, возникший в международных политико-экономических отношениях, получил осмысление в книге «Экономические последствия мира» в главах «Мирный договор» и «Репарации», инициировал фундаментальные новации макроэкономического анализа и прикладной экономической теории. Дж. М. Кейнс достойно сформулировал иерархическую соподчиненность критериев обоснованности – справедливости и оправданности – принимаемых мер и исполняемых решений: экономические последствия важнее политических выгод, а духовные и нравственные ценности выше экономических соображений.

Ценностные суждения предваряли и завершали аналитический обзор основных положений Версальского договора. Дж. М. Кейнс утверждал, что мирная конференция была обязана удовлетворить требования справедливости и способствовать восстановлению европейской



жизни и исцелению ран, нанесенных войною. Такой подход был продиктован благородием и великодушием, которое всегда высоко ценилось в победителе мудростью предков [1, с. 11]. Однако главной задачей своей книги автор считал не рассуждения о справедливости, о требовании уголовной кары для врага, об обязанности победителя быть беспристрастным, а рассмотрение мудрости и последствий принятых политико-экономических решений с целью показать, что результатом буквального выполнения мирного договора будет его невыполнимость [1, с. 29, 43].

Условия Версальского договора «систематически» разрушали главные факторы развития экономической системы довоенной Германии: морскую торговлю, представленную коммерческим флотом, колониями, размещением капиталов за границей, вывозом и заморскими связями немецких купцов; индустрию, основанную на эксплуатации угля и железа; национальную систему транспорта и тарифов. Договор наносил удар организации экономики, причиняя еще больший вред уменьшенному богатству. Политические соображения невыгодно пересекались с экономическими потребностями. Люди придумали, как сделать более бедными себя и других. Экономические статьи договора предусматривали способы разорить благосостояние Германии и задержать ее развитие в будущем. Поставленные в такое положение немцы должны были заплатить союзникам денежную контрибуцию (репарации) [1, с. 29, 44, 45, 50].

Духовно-нравственные предпосылки, критерии разумности и открыто декларируемое стремление к научной добросовестности подкрепляли аргументацию и структурировали логику исследования проблем исчисления и возможности взыскания с Германии репарационных платежей.

В главе «Репарации» Дж. М. Кейнс продемонстрировал научную смелость и новаторский подход к методологии макроэкономического анализа, обосновал экспертные оценки в условиях ограниченной информации и фрагментарных статистических данных. Значительное место в тексте занял обобщающий обзор материалов, подготовленных британским казначейством. Примечательно, что современники критиковали ученого не за неверные цифры, а за их интерпретацию и использование в полемике, за выбор политико-экономических приоритетов в рассуждениях и выводах [3, с. 434, 439].

Авторские эскизы подчеркивали понимание условности и приблизительности расчетов репарационных претензий и платежей. Для научной и точной оценки ущерба, возмещение которого союзники могли бы требовать от Герма-

нии, не имелось данных. Все вычисления носили условный характер, и их результат зависел от принятых допущений. Дж. М. Кейнс старался разъяснить обоснованность приведенных им альтернативных расчетов германских репараций. Экономист соглашался с тем, что используемые цифры были во многом гадательными и могли вызывать критику, однако был уверен, что общая величина предлагаемых репараций не совсем ошибочна, поскольку определена с максимальной точностью, какую допускали имевшиеся данные [1, с. 54, 61, 80].

Вектор рассуждений эксперта был направлен на конкретизацию выводов: от приблизительных оценок послевоенного ущерба к достоверным статистическим данным довоенной поры. Дж. М. Кейнс подчеркивал разницу между написанием на бумаге воображаемой оценки ресурсов Германии и действительным получением платежа. Чтобы иметь прочную основу для вычислений, ученый обращался к статистике внешней торговли [1, с. 81, 84].

Методология макроэкономического исследования помогла Дж. М. Кейнсу научно и практически обосновать желаемые выводы. Логика рассуждений эксперта разворачивалась пошагово: вычисление ущерба для определения суммы репараций; оценка платежеспособности послевоенной Германии погашать репарационные обязательства; обзор внешней торговли и выявление возможности Германии платить за счет активного торгового баланса (чистого экспорта).

Расчеты показали неспособность немцев выплачивать предположительные суммы репараций, обсуждавшихся на Версальской мирной конференции. По альтернативным оценкам Дж. М. Кейнса, претензии к Германии должны превышать 1,6 млрд и быть ниже 3 млрд фунтов стерлингов. Поэтому было бы благоразумно склонить Германию согласиться на 2 млрд фунтов стерлингов. Затем вся сумма была бы поделена между союзниками согласно нуждам каждого и общей справедливости. Однако вопрос был решен иначе. Сумма претензий союзников к Германии, при различном истолковании мирного договора, колебалась в интервале от 5 до 13 млрд фунтов стерлингов [1, с. 61, 74].

Практическую осуществимость своих предложений эксперт доказывал и расчетами платежеспособности Германии. Немецкое правительство могло делать платежи союзникам в трех формах: непосредственной передачи имущества в виде золота, кораблей, иностранных ценностей; стоимости собственности, расположенной на территориях, уступленных союзникам, или сданной им по условиям претензий; ежегодных



платежей, распределенных на оговоренный срок времени, осуществляемых деньгами и продуктами производства [1, с. 75].

Германия могла производить ежегодные репарационные перечисления лишь при формировании благоприятного торгового баланса, дававшего возможность платежей за границу. Однако рассмотрение торговых отчетов довоенного времени показало противоположную ситуацию; в пятилетие, предшествовавшее 1913 г., немецкий импорт превышал экспорт. Поэтому даже при довоенном соотношении ввоза и вывоза у Германии не оказывалось излишков для зарубежных платежей. Лишь экономия в потреблении ввозимых товаров и поощрение вывоза позволяли возмещать убытки союзникам [1, с. 85].

Экспертиза касалась не только товарной структуры германского экспорта и импорта, но и территориальной направленности их потоков. И тут англичанин не упустил возможности огрadyть выгоды своей национальной экономики, указав, что более половины немецкого экспорта сбывалось в странах Антанты, и если союзники не желают поощрять ввоз конкурирующих немецких товаров в свои страны, то они должны позаботиться об увеличении вывоза товаров Германии на рынки других стран [1, с. 86–89].

Обзор статистики довоенной германской внешней торговли свидетельствовал, что не было возможности значительно увеличить вывоз ради погашения налагавшихся репарационных обязательств. Послевоенная ситуация усугубила деградацию экономики. Слова Дж. М. Кейнса, сочетавшие аналитические выводы с ценностными суждениями, красноречивы: «Способность Германии уплачивать ежегодную дань, как она могла бы делать это до войны, не осталась незатронутой вследствие почти полной потери ее колоний и связей с заморскими странами, потери торгового флота и имущества, находившегося за границей, уступки одной десятой части ее территории и населения, одной трети угля и трех четвертей железной руды, потери двух миллионов мужского населения в расцвете сил, павших на полях сражений, вследствие истощения народа по причине четырехлетнего недоедания, бремени огромного военного долга, обесценения денег до одной седьмой их прежней стоимости, распада ее союзников и их территорий, революции дома и угрозы большевизма на ее границах, наконец, невероятного упадка сил и надежд в результате четырехлетней всепожирающей войны и конечного разгрома» [1, с. 84].

В авторском заключении о платежеспособности Германии фигурировала сумма – 2 млрд фунтов стерлингов как максимальный объем репарационных претензий. По оценке Дж. М. Кейнса,

Германия могла бы уплачивать максимум 100 млн фунтов стерлингов ежегодно на протяжении 20 лет. Говоря о неподъемной тяжести налагаемого бремени, эксперт апеллировал к предыдущему историческому прецеденту – выплате Францией по итогам франко-прусской войны 1870–1871 гг. контрибуции в пользу немцев. Согласно прикидкам, уплата Францией 200 млн фунтов стерлингов в 1871 г. (в текущих ценах), даже пересчитанная с учетом изменения ценности денег до 500 млн фунтов стерлингов, была несравненно менее тяжелой данью [1, с. 90–91].

Заслуживают упоминания два весьма достойных высказывания Дж. М. Кейнса – одно как ученого-экономиста, другое как общественного деятеля. Первое суждение объясняло разрушительные последствия изъятия хозяйственных ресурсов и продукции для уплаты репараций за счет активного сальдо внешнеторгового баланса. По общепринятому мнению, когда у человека отнимают весь избыток результатов труда, его производительность и прилежание ухудшаются. Предприниматель и изобретатель перестанут изобретать, торговец и лавочник перестанут накоплять, земледелец откажется трудиться, если плоды их прилежания поступают не на пользу их детей, не для поддержания их старости, не для удовлетворения их самолюбия или создания общественного положения, но для наслаждения завоевателя-чужеземца [1, с. 94].

Второе суждение звучало так: «Политика, стремящаяся обратить Германию в рабство на целое поколение, поставить миллионы людей в нищенские условия существования, лишить целую нацию счастья, должна быть признана ужасной и возмутительной; она остается таковою, даже если бы она была целесообразна, если бы она могла обогатить нас самих... Есть люди, которые проповедают такую политику во имя справедливости. В великих событиях мировой истории, в развертывании запутанной нити народных судеб то, что называется справедливостью, не ... просто определить. ... Ни религия, ни ... нравственное чувство не дают нациям права взваливать на плечи детей их врагов ответственность за преступления, совершенные их отцами или правителями» [1, с. 102].

В минорном настроении начиналась глава «Европа после мирного договора». Дж. М. Кейнс писал, что ему приходится быть пессимистом, поскольку мирный договор не сделал ничего для экономического восстановления Европы, и при рассмотрении состояния континента он не делал различий между неизбежными следствиями войны и несчастьями, принесенными мирным договором, которые были вполне устранимы [1, с. 103].



В макроэкономическом анализе сопоставлялась довоенная и послевоенная эволюция европейской экономики. Предвоенную экономику Европы типологически можно интерпретировать как модель добродетельного круга, обеспечивавшую устойчивое развитие на основе научно-технического прогресса, эффективной трансформации отраслевой структуры национальных экономик и международного разделения труда, успешного решения социальных проблем урбанизации, трудовой миграции, занятости и доходов увеличивавшегося населения. Послевоенную европейскую экономику допустимо типологически охарактеризовать как макроэкономическую модель порочного круга, функционировавшую в режиме деградации или депрессивной стагнации. Описание и объяснение модели воспроизводства депрессивной, кумулятивно разрушающейся экономики было значимым вкладом Дж. М. Кейнса в развитие эволюционного направления экономической мысли.

Наиболее знаменательными чертами послевоенного положения Европы ученый считал: понижение производительности; расстройство обмена и транспорта, доставлявшего продукты в места наивысшего спроса; неспособность Европы закупать достаточно материалов за океаном. Производительность сокращалась по причинам: изменения государственных границ и социально-политических потрясений; потери количества и утраты качества рабочей силы вследствие гибели людей на войне, мобилизации и недоедания; истощения почвы из-за недостатка удобрений; неуверенности рабочего класса в материальной обеспеченности жизни; массовой безработицы; падения добычи угля – основы индустриально-транспортной системы континента [1, с. 105, 106].

Уменьшение производства, разрушение хозяйственных связей и системы разделения труда ввергли в ситуацию порочного круга чрезвычайной кризисной стагнации, из которой нельзя было выйти путем стихийного восстановления. Исчезли условия обычного функционирования конкурентно-рыночного механизма регулирования экономики и его координации мерами государственной социально-экономической политики. Сельское население существовало продуктами своего труда, но не имело достаточного излишка для городов, не было заинтересовано в продаже пищи в обмен на дефицитные промышленные товары. Городское население неспособно было поддерживать свою рабочую силу вследствие плохого питания, было лишено заработка из-за недостатка материалов и возможности повысить производительность [1, с. 106].

В дезорганизованной экономике послевоенной Европы была нарушена непрерывность воспроизводственных процессов. Поэтому Дж. М. Кейнсу пришлось распутывать клубок взаимосвязанных макроэкономических проблем, которые менялись местами в причинно-следственном взаимодействии, в зависимости от выбранного ракурса аналитического обзора.

Возобновление постоянной циркуляции производства и обмена посредством внешней торговли предполагало восстановление устойчивости цен, стабильности денежного обращения и сбалансированности государственных финансов в европейских странах. Но этому мешали: дефициты бюджетов воевавших государств; необеспеченная кредитно-денежная эмиссия национальных валют; сохранение фиктивной ценности денег посредством правительственного регулирования цен; государственная организация торговли и снабжения населения предметами первой необходимости; видимая и скрытая инфляция; несоответствие внутренних и мировых цен; недостаток зарубежного частного кредита на закупки промышленного сырья; расстройство денежного обращения; рискованность или невозможность кредитных операций; превращение коммерческой деятельности в спекуляцию на разнице цен [1, с. 108–110].

Правительства европейских стран вынуждены были и после войны печатать бумажные деньги для покрытия бюджетных дефицитов, инициируя все перечисленные взаимосвязанные негативные явления, которые мешали Европе быстро нарастить экспорт и оплачивать импортные товары. Эти взаимные влияния подрывали кредит, необходимый для промышленного капитала и возобновления правильного товарно-денежного обмена, отклоняли силы экономического закона от равновесия, не излечивали тяжелое состояние послевоенной хозяйственной жизни, а способствовали его продлению [1, с. 112–113].

В научно-аналитическом обзоре состояния послевоенной экономики Европы были представлены: условия, механизм и последствия функционирования макроэкономической модели порочного круга; концептуальная схема реверсивной, регрессивной эволюции народного хозяйства страны и региональной европейской экономики. Процесс кумулятивного, самовоспроизводившегося разрушения социально-экономических структур рассматривался в контексте длительной, почти столетней временной протяженности; его результаты сопоставлялись с теоретическим пониманием экономики первой половины XIX в.

В прикладном научном исследовании Дж. М. Кейнс охватил комплекс проблем и теоре-



тически объяснил причинно-следственные связи их спонтанно поддерживавшегося взаимодействия. В перечень основных процессов макроэкономической трансформации на европейском континенте вошли: расстройство воспроизводственного процесса по всем стадиям (производства, распределения, обмена и потребления); деградация кредитно-денежного обращения в ходе необеспеченной эмиссии платежных средств; нарушение хозяйственных связей между городом и сельской местностью; разрушение транспортной инфраструктуры и расстройство товарооборота и торговли; нарастание межотраслевых и территориальных диспропорций из-за разной степени сокращения производства. Количественные изменения сопровождались качественными преобразованиями. Регресс экономики характеризовался деиндустриализацией и рурализацией (лат. *ruralis* – сельский) – процессом, обратным урбанизации.

Европа во многом утратила достижения полувекового довоенного периода. Произошла реверсивная смена модели индустриально-аграрной экономики моделью аграрно-индустриальной экономики. Повернувшись вспять социально-экономическая эволюция дала повод возвратиться к мальтузианско-рикардианской парадигме неустранимой ограниченности численности населения ограниченностью производства средств существования. По мнению Дж. М. Кейнса, многие катастрофы в истории, на целые столетия отбросившие назад прогресс человечества, были реакцией на внезапное исчезновение благоприятных условий, допустивших рост населения сверх того количества, которое могло быть прокормлено, когда эти условия пришли к концу [1, с. 105].

Дж. М. Кейнс пытался убедить своих оппонентов в необходимости пересмотреть условия Версальского мирного договора, предвещая в противном случае нарастание социально-экономических и военно-политических конфликтов на европейском континенте.

Густое население Европы, в значительной мере сконцентрированное в промышленных центрах, обеспечивало себе высокий уровень потребления посредством хрупкой и сложной организации на основе угля, железа и транспорта, а также непрерывного импорта пищевых продуктов и сырья. Вследствие разрушения этой организации и перерыва в подвозе возникла опасность быстрого понижения в образе жизни европейского населения вплоть до голода для некоторой его части. Неизбежные последствия реализации мирного договора могли отбросить Германию назад к фазе экономического развития, которой соответствовала численность населения

полувековой давности. Поэтому подписание Версальского договора было равносильно подписанию смертного приговора миллионам немцев [1, с. 103–105].

Доведенные до крайности люди могли опрокинуть остатки организации и затопить цивилизацию, пытаясь удовлетворить давящую их личную нужду. При достижении границы терпения могущество идей становится неодолимым, и люди стряхивают с себя узы традиции и привычки; кто может предсказать, сколько они способны перенести и в каком направлении будут искать спасение от своих страданий? Россия, Венгрия и Австрия пережили то, что для прочей Европы находилось в области ожиданий, дали пример того, каким могут быть бедствия существования и страдания человечества и как далеко может зайти разложение общества [1, с. 113–114].

Рисуя образную картину бессильной, бездеятельной, дезорганизованной Европы, разделенной внутренними распрями, национальной ненавистью, содрогающейся в борьбе и муках голода, полной грабежа, насилия и обмана, Дж. М. Кейнс риторически вопрошал: чем можно доказать, что эта картина написана в слишком мрачных красках [1, с. 112–113]?

Унынием и грустью была пронизана последняя глава «Экономических последствий мира», хотя она могла быть жизнеутверждающей, поскольку повествовала о средствах восстановления Европы. Дж. М. Кейнс предлагал пересмотреть условия мирного договора, изыскать возможности погашения взаимной задолженности союзников, организовать интернациональный заем, наладить взаимовыгодные экономические отношения Центральной Европы и России.

Обсуждению злободневных вопросов предшествовали размышления о фундаментальных политико-экономических проблемах в контексте формирования новой парадигмы экономической мысли. Дж. М. Кейнс сформулировал теоретико-методологическую предпосылку, на основе которой он впоследствии выстроил концепцию своей самой знаменитой книги «Общая теория занятости, процента и денег» и дал аргументированную критику ограниченности парадигмы мейнстрима стандартной науки.

Дж. М. Кейнс утверждал, что война поставила серьезные проблемы, но их происхождение имело общий и фундаментальный характер. Силы, управлявшие жизнью XIX в., завершили свой путь и исчерпали себя. Экономические мотивы и идеалы прежних поколений потеряли привлекательность; предстояло найти новый путь и ощутить муки рождения на свет нового порядка. Опять проявилась тенденция увеличе-



ния стоимости пищевых продуктов и истощения сил природы, которая сдерживала рост населения во всем мире.

Эти вековые проблемы человечества чрезвычайно обострились в военное лихолетье, затронули Центральную Европу и поразили Россию, Турцию, Венгрию, Австрию, где свирепствовали самые страшные бедствия: голод, холод, болезни, война, убийства и анархия. Против их дальнейшего распространения следовало искать средства, если таковые существовали. Необходимо было дать иное направление важнейшим тенденциям, составлявшим основу ежедневных событий после подписания Версальского мирного договора, и содействовать восстановлению благосостояния и порядка, вместо того чтобы еще глубже повергать европейцев в несчастье [1, с. 116–117].

Призыв к пересмотру и изменению условий договора опирался на рационально-экономические, духовно-нравственные и военно-политические аргументы. Обоснованное определение суммы репараций по возмещению убытков в соответствии с платежеспособностью Германии давало надежду на возрождение предприимчивости немцев, делало ненужным давление на них с целью соблюдения статей договора, которые невозможно было выполнить. Смягчение предписаний по эксплуатации угля и железа необходимо было для активизации промышленности и повышения производительности Германии. Переход в режим свободной международной торговли мог благоприятствовать налаживанию организации и дееспособности европейской экономики [1, с. 121].

Дж. М. Кейнс советовал действовать во имя светлых ожиданий и верить, что процветание и счастье одной страны приносит то же самое и другим странам, что солидарность людей и наций не есть фикция. Следовало отказаться от чрезвычайно опасного взгляда, согласно которому хотя бы одному поколению немцев нельзя дозволить даже небольшой суммы благосостояния, что каждый год Германия должна быть толкаема все дальше к обнищанию, а ее дети подвергаемы испытаниям голода и болезней, что она всегда должна быть окружена врагами [1, с. 121, 122]. Иначе последствия будут не менее трагическими, чем завершившаяся мировая война.

Зловеще прозвучало пророчество Дж. М. Кейнса: «Если мы сознательно будем стремиться к истощению Центральной Европы, то я предсказываю, что отмщение не заставит себя ждать. Тогда ничто не сможет отсрочить надолго конечную гражданскую войну между силами реакции и отчаянными конвульсиями революции, перед которой побледнеют все ужасы последней европейской войны и которая, кто бы ни победил в

ней, разрушит цивилизацию и прогресс нашего поколения» [1, с. 122]. Через двадцать лет после завершения Версальской мирной конференции Германия развязала Вторую мировую войну...

Предлагая средства восстановления Европы, Дж. М. Кейнс показал себя истинным англичанином, попытался найти компромиссные решения, учитывавшие интересы нескольких государств и гарантировавшие максимизацию выгод Великобритании. Интересы англичан умело отстаивались при обсуждении проблем взаимной задолженности союзников, не имевшей аналогов в прошлом. Погасить возникшие долговые обязательства и взыскать долги было почти невозможно из-за громадных сумм полученных займов, разрушения национальных экономик, деградации государственных финансов, расстройств денежных систем союзных стран, отказа от уплаты долгов и т.п.

Держатели военных займов в каждой стране желали получить большие суммы от плательщиков налогов. Но, по разумению экономиста, необходимо было расчистить огромный и хаотический ворох бумажных обязательств, завещанный финансами военного времени внутри стран и в международных отношениях. Война закончилась взаимной задолженностью соседей: Германия должна союзникам; союзники должны Великобритании; а Великобритания должна Соединенным Штатам. Возникла ситуация, когда общая сумма межсоюзнических податей превзошла сумму платежей, которую можно было получить от неприятеля, а союзники должны были выплачивать друг другу возмещение убытков, вместо того чтобы получить их с общего врага. В искусственном, запутанном и несносном положении нельзя было пошевелиться, не освободившись от бумажных пут долговых обязательств [1, с. 126, 127].

Решение проблемы Дж. М. Кейнс видел в полном уничтожении межсоюзнической задолженности, вызванной потребностями войны, и в обращении к щедрости США, которые были единственным чистым кредитором. Англия ссудила вдвое больше, чем взяла займы; Франция взяла займы втрое больше, чем ссудила; прочие союзники были лишь должниками. Интерес Англии заключался в том, чтобы не возвращать долг американцам, не имея возможности реализовать положительное сальдо своих долговых обязательств [1, с. 123, 124].

Английские политико-экономические интересы зримым образом продвигались Дж. М. Кейнсом в предложении организовать для всех участвовавших в войне стран континентальной Европы международный заем на 200 млн фунтов стерлин-



гов, кредиторами которого могли бы выступить США и Великобритания, имевшие активный баланс межсоюзнической задолженности [1, с. 130].

Идея организации интернационального займа обсуждалась в правящих кругах европейских стран и Америки. Предоставление международной финансовой помощи способствовало бы скорейшему удовлетворению насущных потребностей европейцев и восстановлению производства в условиях превышения европейского ввоза над вывозом, неблагоприятного денежного курса и расстройтва денежного обращения. Заем дал бы средства для покупки пищевых продуктов и материалов, реорганизации денежного обращения, пополнения оборотного капитала, обновления экономической организации [1, с. 129, 131].

Англия потерпела неудачу в кредитовании военных нужд своих союзников, не смогла взыскать суммы предоставленных займов и процентов по ним. Поэтому Дж. М. Кейнс жестко оговаривал условия предоставления новых займов и способ их расходования получателями, всячески отстаивая интересы кредиторов: заем следует давать при столь полной уверенности в его обратной выплате, какая вообще возможна, в смысле уплаты процентов и погашения капитала. Этот заем должен иметь преимущество перед всеми претензиями на репарации, перед всеми междусоюзническими военными долгами, всеми внутренними военными займами и всеми прочими видами задолженности европейских правительств. Все государства, получившие ссуду, должны перевести на золото свои таможенные пошлины и отдать их в обеспечение нового займа [1, с. 131].

Заключительный пункт в книге – отношение Центральной Европы к России – достоин самостоятельного научного исследования в контексте экономической истории. Его содержание определял тезис: налаживание экономического сотрудничества между Германией и Россией в интересах Англии. Дж. М. Кейнс прямо говорил, что если мы не позволим Германии обмениваться продуктами с Россией и таким образом питаться, ей придется конкурировать с нами, домогаясь продуктов Америки. Чем легче нам удастся разорвать экономические отношения между Россией и Германией, тем сильнее мы понизим наш уровень жизни и увеличим серьезность наших внутренних проблем [1, с. 134].

Насколько верил Дж. М. Кейнс в возможность пересмотра условий Версальского мирного договора, осуществления предлагавшихся им мер урегулирования репарационных претензий и межсоюзнической задолженности, использования иных средств восстановления Европы, оценить непросто. Но мужественная попытка реализовать задуманное заслуживает уважения.

В конце книги Дж. М. Кейнс поведал о том, ради чего он ее написал: «События грядущих годов будут направляться не сознательными действиями государственных людей, но скрытыми течениями, непрерывно бегущими под поверхностью политической истории, результаты которой никто не в состоянии предсказать. Нам дан лишь один способ влиять на эти скрытые течения; этот способ заключается в использовании тех сил просвещения и воображения, которые изменяют мнение людей. Провозглашение истины, разоблачение иллюзий, уничтожение ненависти, расширение и просвещение человеческих чувств и умов – таковы наши средства. Этой осенью 1919 года, когда я работаю над моей книгой, мы переживаем мертвое время для наших надежд. Реакция после всех усилий, страхов и страданий последних пяти лет достигла высшего пункта. Присущая нам способность чувствовать и сознавать чего-либо, кроме непосредственных вопросов нашего материального благосостояния, временно исчезла. Нас не волнуют даже величайшие события, происходящие вне нашего прямого опыта, даже самые страшные предчувствия. Испытанные нами волнения превосходят всякую меру терпения, и нам нужен отдых. Еще никогда в жизни нашего поколения огонь человеческой души не горел так слабо. Вот почему истинный голос нового поколения не сказал еще своего слова, и молчаливое мнение общества еще не народилось. Образованию этого общего мнения я и посвящаю эту книгу» [1, с. 135].

Заключение

«Экономические последствия мира» традиционно рассматривают в контексте всего научного творчества Дж. М. Кейнса как начало пути, который привел к созданию «Общей теории занятости, процента и денег». Этот шестнадцатилетний путь выдающемуся английскому ученому пришлось проходить в обстановке долгосрочной, крайне неблагоприятной макроэкономической конъюнктуры, поразившей всех европейских участников Первой мировой войны, последствия которой, как и Версальского мирного договора, преодолевались с большим трудом. Осмысление произошедшей трансформации экономики Европы и отдельных ее стран побудило к критическому пересмотру ряда фундаментальных положений мейнстрима экономической науки. Классическая экономическая теория соответствовала завершившейся викторианской эпохе английской мировой гегемонии, идеологически оправдывала и теоретически объясняла миросистемную модель капитализма *laissez-faire*, но была малопригодна для понимания деградации экономики военного времени и закономерностей послевоенного восстановления



хозяйственной жизни. Великая депрессия 1929–1933 гг. ввергла западные страны в макроэкономическую ситуацию, аналогичную конъюнктуре хозяйственной деградации военного времени десятилетней давности. Поэтому смелые, новаторские идеи, возникшие и разработанные в процессе написания «Экономических последствий мира», послужили теоретико-методологическим ключом к постановке и разрешению проблем «Общей теории занятости, процента и денег».

Биографы Дж. М. Кейнса справедливо заостряли внимание на экстраординарном, многообразном, основополагающем значении публикации «Экономических последствий мира». Р. Скидельски писал о том, что Дж. М. Кейнс утверждал право экономической науки на созидание будущего, обращался к восходящему поколению с призывом огромной привлекательной силы. Ученым надлежало «произвести уборку в доме» после ужасного беспорядка, оставленного «князьями старого мира». Дж. М. Кейнсу же предстояло биться над вопросами: соответствует ли новой задаче экономическая теория девятнадцатого века, или она осталась достойным уничтоженного войной старого мира? Свой ответ он дал в «Общей теории занятости, процента и денег» [3, с. 447, 448].

Оригинальную интерпретацию сопоставления работ Дж. М. Кейнса предложил Й. Шумпетер, поясняя, что, хотя теория в книге «Экономические последствия мира» проста и не использует сложных методов, она заслуживает внимания. Слегка изменив оригинальный авторский текст, можно констатировать: с началом войны в августе 1914 г. закончилось время благоприятного периода («удивительного эпизода») капитализма *laissez-faire*. Стремительно исчезали условия, позволявшие ведущим предпринимателям добиваться успехов: быстрый рост населения, создаваемые техническим прогрессом многочисленные возможности инвестирования, освоение новых источников питания и сырья. В прежние годы легко находилось применение сбережениям буржуазии, которая продолжала «откладывать на черный день». Но к 1920 г. стали слабеть побуждающие импульсы, постепенно выветривался дух частного предпринимательства, утрачивались возможности для инвестиций, и привычка буржуазии делать сбережения потеряла свою социальную функцию; их существование даже усугубляло ситуацию [2, с. 365].

Дж. М. Кейнс, по мнению Й. Шумпетера, разработал современную теорию экономической стагнации, отличную от теории Д. Рикардо. В предложенном объяснении послевоенной депрессии экономики уже видны истоки «Общей теории занятости, процента и денег». В любой серьезной теории экономического состояния общества присутствуют два взаимодополняющих элемента.

Во-первых, видение автора – мнение теоретика об основных признаках экономического состояния общества в исследуемый период. Во-вторых, метод, аппарат, при помощи которого авторское видение концептуализируется и превращается в конкретные предположения или теории. Мы не найдем на страницах «Экономических последствий мира» того теоретического аппарата, который Дж. М. Кейнс использовал в «Общей теории...». Но в этой книге мы обнаружим то видение экономических и социальных явлений, к которому теоретический аппарат служил простым техническим дополнением. «Общая теория...» стала итогом длительной борьбы Дж. М. Кейнса за то, чтобы теоретически выразить свое видение нашего времени, сделать его аналитически функциональным [2, с. 366].

Й. Шумпетер точно расставил акценты, указав на общность самой важной предпосылки – видения автора и на формальные различия методологии и теоретических инструментов, при помощи которых выстраивались концептуальные конструкции двух сопоставляемых произведений Дж. М. Кейнса. Однако при более пристальном рассмотрении поставленной проблемы можно увидеть, что «Общая теория...» оказалась реминисценцией «Экономических последствий мира», что фундаментальные теоретико-методологические предпосылки поздней публикации во многом уже сформировались в ранней научной работе. Более того, есть основания утверждать, что теоретико-методологический аппарат «Экономических последствий мира» заслуживает не менее высокой оценки, чем научный инструментарий «Общей теории...». Доказательством выдвинутого предположения служат нижеследующие соображения.

«Экономические последствия мира» заложили истоки обновления парадигмы мейнстрима стандартной теории, показали ограниченность, односторонность классической и неоклассической экономической науки, с концептуальной критики которой как частного случая теоретических изысканий начиналась «Общая теория занятости, процента и денег». Постулаты классической теории: микроэкономическое видение, стихийное стремление рынков к относительно устойчивому, статическому равновесию при эффективном и полном использовании всех хозяйственных ресурсов, заинтересованное взаимовыгодное поведение экономических субъектов в соответствии с их функциями – не годились для изучения и объяснения процессов макроэкономической трансформации в рамках отдельных государств и всего Европейского континента в периоды бурного экономического развития на рубеже XIX–XX вв., военного лихолетья и послевоенного восстановления экономики.



Мудрый Дж. М. Кейнс в «Экономических последствиях мира» избрал «аналитически функциональный» макроэкономический подход, обращенный на решение реальных проблем, признававший незаменимую роль государственной власти в национальной экономике и мировом хозяйстве, рассмотрел то, что составило впоследствии название самой популярной его книги, – теорию занятости, процента (кредита) и денег (обращения национальных валют).

Научную составляющую «Экономических последствий мира» в сравнении с «Общей теорией...» можно охарактеризовать в стиле оксюморона как еще более общую и одновременно более конкретную теорию. Она включила в себя национальный, региональный, международный уровни экономики, сопоставляла эволюционно-мирный, разрушительно-мобилизационный (военный), восстановительно-деградирующий, восстановительно-созидательный режимы функционирования экономики. Такой ракурс исследования проблемы был конкретнее, нежели традиционное абстрактно-логическое сравнение простого, расширенного и сокращающегося воспроизводства. Она подкреплялась анализом фактологического, статистического материала, экспертными оценками макроэкономической динамики. Она демонстрировала результативность прикладного исследования в объяснении территориально-хронологической динамики международного разделения труда.

В литературоведческой герменевтике есть любопытное определение классического произведения. Классикой признают произведение, которое само себя объясняет; оно понятно читателю без дополнительных пояснений, интерпретации авторской точки зрения, необходимых толкований фрагментов трудно воспринимаемого текста. В соответствии с названным критерием оценки фундаментальная работа Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» едва ли соответствует понятию классического научного творения; она очень сложна для чтения и восприятия во всех ипостасях: по содержанию, логике изложения материала и стилю написания текста. В формировании нового направления экономической мысли – кейнсианства – «короля играла свита». Ученики и последователи Дж. М. Кейнса в своих публикациях занимались герменевтической интерпретацией «Общей теории...», толкованием отдельных ее положений, расширяли зону применения ее теоретико-методологических предпосылок и выводов, создавали целостную концепцию, достраивая отсутствующие научные компоненты.

Совсем по-иному выглядит книга «Экономические последствия мира». Она построена «на соображениях, понятных для всех, и на фактах, известных всему миру», как писал в ее предисловии Дж. М. Кейнс [1, с. XIV]. Вдумчивому читателю не требуется герменевтического сопровождения для растолкования и разъяснения текста, который читается и воспринимается легко, отличается глубоким содержанием, четкой логикой подачи материала и блестящим стилем написания книги. В этом смысле «Экономические последствия мира» – творение, заслуживающее статуса классики мировой экономической мысли, шедевр макроэкономической теории, не утративший своей научной ценности и актуальности за столетие, истекшее со времени его создания и публикации.

Список литературы

1. Кейнс Дж. М. Экономические последствия Версальского мирного договора. М. ; Л. : Госиздат, 1924. 136 с.
2. Шумпетер Й. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. М. : Изд-во Института Гайдара, 2011. 416 с.
3. Скидельски Р. Джон Мейнард Кейнс. 1883–1946. Экономист, философ, государственный деятель : в 2 кн. Кн. 1. М. : Моск. школа политических исследований, 2005. 784 с.
4. Черемисинов Г. А. Государственное предпринимательство как типологический признак развития экономики России : теоретико-методологический аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право. 2007. Т. 7, вып. 1. С. 31–44.

References

1. Keynes J. M. *Ekonomicheskie posledstviya Versal'skogo mirnogo dogovora* [The Economic Consequences of the Peace]. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1924. 136 p. (in Russian).
2. Schumpeter J. A. *Ten Great Economists from Marx to Keynes*. New York, Oxford University Press, 1951. 305 p. (Russ. ed.: Moscow, Izd-vo Instituta Gaydara, 2011. 416 p.).
3. Skidelsky R. *Dzhon Mejnard Kejns. 1883–1946. Ekonomist, filosof, gosudarstvennyi deiatel': v 2 kn. Kn. 1* [John Maynard Keynes. 1883–1946. Economist, Philosopher, Statesman: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2005. 784 p. (in Russian).
4. Cheremisinov G. A. Government Entrepreneurship as a Sign of Typological Development of the Russian Economy: Theoretical and Methodological Aspects. *Izvestiya of Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Law*, 2007, vol. 7, iss. 1, pp. 31–44 (in Russian).

Поступила в редакцию 07.10.2020, после рецензирования 20.10.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 07.10.2020, revised 20.10.2020, accepted 05.11.2020